

«И, может, снова у нашего»

СЕГОДНЯ
МЫ ХОТЕЛИ БЫ ВСПОМНИТЬ
ДОБРЫМ СЛОВОМ ТЕАТРА,
КОНЦЕРТНЫЕ ЗАЛЫ
И МУЗЕИ, КОТОРЫЕ РАБОТАЛИ
В ОСАЖДЕННОМ ЛЕНИНГРАДЕ

ИСААКИЕВСКИЙ СОБОР

В МОРОЗНОМ и влажном петербургском воздухе массивный силуэт собора Исаакия Далматского кажется чуть размытым, призрачным. Представим его в одну из блокадных зим. Здесь, в подвалах, пропитанных холодом и сыростью, работали музейщики. Дело в том, что не все музейные ценности удалось вывезти из города — кольцо блокады сомкнулось слишком быстро. Никто не верил в то, что случится немыслимое, но оно случилось. Среди сокровищ, оставшихся в осажденном городе, были вещи из пригородных дворцов-музеев, Государственного музея истории Ленинграда, Летнего дворца Петра I...

Приют этим ценностям и дал Исаакиевский собор. В те годы он не принадлежал церкви, но вспомним строчку из стихотворения Лермонтова: «Храм оставленный — все храм, кумир поверженный — все Бог». Под низкими и мощными сводами церковного подвала, построенного Монферраном на века, предметы искусства и хранившие их люди разыгрывали свою драму. Представим себе те дни и ночи, наполним подвалы их отзвуками и отблесками. Отбрасывают тусклый колеблющийся свет фонари, называвшиеся в быту летучими мышами. Отмеряет время метроном. Иногда его мерный, успокаивающий звук заглушает сигнал воздушной тревоги... Единственное, что невозможно воссоздать и представить, — лютый холод и изнуряющий, медленно убивающий голод.

В годы блокады, как вспоминают приставленные к вещам и переведенные на казарменное положение хранители, в соборе было еще более холодно и сыро, чем на улице. Насквозь промерзшие и пропитанные влагой стены монферрановского творения словно плакали. Каждый музейщик знает, сколь губельна сырость для произведений искусства, как разрушительно она действует на живопись, графику, ткани. Только, пожалуй, мрамор и фарфор способны были перенести эти испытания. И — люди. Музейные хранители использовали каждый солнечный день, чтобы вытащить вещи на воздух и немного просушить их.

Из воспоминаний: «Иногда пролеты между колоннами открытого портика Исаакия становились похожими на узкие улицы Неаполя. В несколько рядов, на веревках, привязанных к колоннам, сушились яркие полотнища тканей и вышивок... Приходилось сушить и картины, поворачивая их обратной стороной холста к солнцу».

Хранители исписывали горы бумаг — вели строгий учет музейных экспонатов, дневники. Удивительна готовность музейных хранителей к самопожертвованию. И не ради живых существ, а ради вещей, пусть и произведений искусства. Но они, русские интеллигенты, романтики и идеалисты, были убеждены, что хранят «красоту, которая понадобится в будущем еще больше, чем до войны».

Вспомним имена тех, кто сохранил их для нас в подвалах собора: Станислав Трончинский, Анна Чубова, Вера Лемус, Тамара Попова, Евгения Турова, супруги Вейс, Серафима Балаева, Анна Зеленова, Ирина Янченко, Марина Тихомирова, Бронислава Волкинд, Евдокия Леденкина, Елена Элькин, Анна Сементовская...

Билеты в Филармонию летом продавали прямо на Невском проспекте.

ФИЛАРМОНИЯ

ЭТО НЕПОСТИЖИМО, но в годы блокады работала Филармония и люди посещали концерты. Из воспоминаний человека, пережившего блокаду ребенком: «9 августа 1942 года в Большом зале Ленинградской филармонии впервые прозвучала седьмая «Ленинградская» симфония Д. Д. Шостаковича под управлением К. И. Элиасберга. Мама с Марией Казначеевой посещали Филармонию и Театр Музкомедии, которые работали во время блокады».

Концерты из Филармонии часто транслировались по радио. Ленинградцы вспоминают, что в первые блокадные осень и зиму особенно часто звучала музыка Бетховена. 9 ноября, когда фашисты захватили Тихвин, что сделало кольцо блокады еще более плотным, в Филармонии исполняли «Оду к радости», и призыв «Обнимитесь, миллионы!» звучал через репродукторы на улицах города.

В конце 41-го началась работа Ленинградского симфонического оркестра во главе с дирижером Карлом Элиасбергом. Филармония не отапливалась, в зале было чудовищно холодно, но, как вспоминают очевидцы, дирижер всегда предстал перед публикой во фраке, безукоризненно элегантный. Чего стоила эта элегантность, теперь и представить невозможно. В 1942 году из-за смерти многих музыкантов оркестр прекратил выступления, сам дирижер попал в стационар, расположенный в гостинице «Астория». 9 августа 1942-го в Филармонии состоялась премьера Седьмой симфонии Дмитрия Шостаковича. Партитуру симфонии в блокадный Ленинград привезли на самолете, управляемом молодым пилотом Литвиновым. Он прорвался в осажденный город под огнем немецких орудий 2 июля 1942 года. На следующий день об этом сообщила коротенькая заметка в «Ленинградской правде». Там же говорилось, что публичное исполнение ее состоится в Большом зале Филармонии. В оркестре к моменту прибытия симфонии оставалось всего 15 человек. А исполнять ее должны были 105 музыкантов. На помощь пришли оставшиеся в живых музыканты из оркестра Радиокомитета. Специальным приказом командировали музыкантов с фронта. И репетиции начались. На первой странице программки концерта были приведены слова Дмитрия Шостаковича: «Нашей борьбе с фашизмом, нашей грядущей победе над врагом, моему родному городу — Ленинграду я посвящаю свою Седьмую симфонию. Дмитрий Шостакович». Пониже крупно: «СЕДЬМАЯ СИМФОНΙΑ ДМИТРИЯ ШОСТАКОВИЧА». А в самом низу мелко: «Ленинград, 1942». Эта программа служила входным билетом на первое исполнение в Ленинграде Седьмой симфонии 9 августа 1942 года.

Сатирический памфлет «Юный Фриц» был написан Самуилом Маршаком в 1942 году в соавторстве с Евгением Деммени для показа кукольного представления в военных частях Ленинградского и других фронтов.